

УДК 811.161.1'373.45 + 811.161.1'38

И. Н. Кошман

Институт филологии Киевского национального университета имени Т. Г. Шевченко

О СПЕЦИФИКЕ РЕФЛЕКСИВОВ В РУССКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ УКРАИНЫ

Розглянуто кілька специфічних типів метамовних конструкцій, що функціонують у російських публіцистичних текстах України.

Ключові слова: українізм, рефлексив, мовна особистість, двомовність, публіцистичний текст.

Рассмотрено несколько специфических типов метаязыковых конструкций, встречающихся в русских публицистических текстах Украины.

Ключевые слова: украинизм, рефлексив, языковая личность, двуязычие, публицистический текст.

This article discusses several specific types of metalinguistic structures occurring in the Russian newspaper texts of Ukraine.

Key words: Ukrainism, reflexive, linguistic identity, bilingualism, newspaper text.

Наиболее очевидная черта русских публицистических текстов новейшего времени в Украине – удивительное разнообразие включенных украинских конструкций. Это обусловлено, прежде всего, экстралингвистическими причинами: изменившимся статусом украинского языка и существенным расширением сферы его функционирования.

Подобные конструкции, вовлекаемые в русский текст, видимо, не следует рассматривать в качестве результата интерференции – если понимать под интерференцией отклонение от языковых норм в речи двуязычных говорящих вследствие недостаточного владения этими нормами [15, с. 69]. Поскольку важной характеристикой отступлений от языковых норм такого рода является ненамеренность.

Вводимые же в русские тексты украинские единицы являются результатом сознательного выбора и всегда связаны с реализацией определенных коммуникативных целей. Украинские единицы используются для адекватного отражения картины мира. Они функционируют как феномены, создающие «эффект привязки дискурса к точному (геонациональному) месту» и акцентирующие «явное или неявное противопоставление русского и не-русского» [6, с. 9].

Публицистические тексты дают представление об основных процессах, характерных для современной русской речи Украины и свидетельствуют о «масштабах изменений», произошедших в последние годы. Это обусловлено как свойствами самой публицистической речи (связь с бытованием «своего» социума, тематическая всеядность, открытость для любых языковых инноваций), так и тем, что в этой сфере русский язык функционально не ограничен.

Целью данного сообщения является описание особых метаязыковых конструкций – рефлексивов, представляющих собой оязыковленную реакцию на включение в тексты украинских единиц.

Материалом для исследования служат тексты русскоязычных газет и журналов, издающихся в Украине: «Без цензуры», «Бизнес», «Ведомости плюс», «Газета по-киевски», «2000», «День», «Зеркало недели», «Киевский телеграф», «Корреспондент», «Молодогвардеец», «Остров», «Сегодня», «Событие» (Днепропетровск), «События» (Харьков), «Украина-Центр», «Факты и комментарии», «Фокус».

Вслед за И. Т. Вепревой, термином «рефлексивы» обозначаются относительно законченные метаязыковые высказывания, содержащие комментарий к употребляемому слову или выражению [4, с. 8]. Рефлексив как вербализированная реакция языковой личности на определенные факты речи отсылает к фрагментам картины мира, опосредованно трактуя или оценивая их.

Рефлексив относится к формально маркированным лингвистическим феноменам – в его состав входят специальные метапоказатели: лексема *слово* или ее квазисинонимы, глаголы речи и под. [3, с. 213; 10, с. 402; 4, с. 79; 9].

Принципиальное значение имеет положение И. Т. Вепревой о том, что «движущей силой вербализации метаязыкового сознания являются ненормативные факты языка» [4, с. 103]. Описываемый в различных исследованиях (Л. В. Балахонской, Т. В. Булыгиной, А. Д. Васильева, И. Т. Вепревой, М. В. Ляпон, В. Д. Черняк, Б. С. Шварцкопфа) материал – контексты русской речи метрополии – свидетельствуют о том, что в этом случае полем проявления языковой рефлексии является пространство одного языка. То есть в одноязычной ситуации типичным представляется такое положение дел, когда языковая единица, давшая повод для метаязыковой реакции, и рефлексив в целом принадлежат к одному и тому же языку.

Иное положение дел наблюдается в ситуации сосуществования нескольких языков. Этот факт отмечается Х. Пфандлем. Он исследует особенности метаязыковых высказываний русских эмигрантов в Австрии и приходит к выводу о том, что в этом случае метаязыковое комментирование специфично. Он отмечает, что языковая рефлексия «касается не столько употребления отдельной лексической единицы, сколько отношения к языку в целом, а также к выбору одного из двух, реже трех языков» [14, с. 130], включает размышления о родном языке [14, с. 130] или «распространяется также и на второй язык, уже давно ставший для многих эмигрантов первым» [14, с. 133].

Публицистические тексты Украины свидетельствуют об оформлении совершенно особого типа рефлексивов: они заключают в себе метаязыковое высказывание о включенной в контекст украинской единице. Такой тип рефлексивов маркирует межъязыковые диалоги – и вследствие этого может быть назван диалоговым. Другими словами, диалоговые рефлексивы представляются вербализованной реакцией рефлектирующего сознания языковой личности на украинскую речевую единицу в ситуации украинско-русских культурно-языковых стыков и диалогов.

Очевидно, что появление такого рода рефлексивов имеет психолингвистическое основание. В современной психологии речи процесс порождения речи рассматривается как деятельность, включающая совокупность сукцессивных этапов. Такая трактовка восходит к работам Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьева. По словам С. Д. Кацнельсона, «речемыслительный процесс включает в себе ряд операций, результаты которых не могут быть заранее предсказаны с абсолютной точностью» [7, с. 121]. Сущностное свойство выделяет А. А. Леонтьев, подчеркивая, что этапы в процессе порождения речи «суть не реальные действия говорящего, а, скорее, своего рода граничные условия: возможно применение различных эвристических приемов, репродукция “готовых” кусков и т. п.» [11, с. 120].

Один из этапов речепорождающей деятельности – выбор слова – «связан с классами операций: поиска семантических признаков слова, поиска их звуковых признаков и учета их субъективной вероятностной характеристики» [12, с. 387].

В ситуации культурно-языкового стыка выбор слова как этап речепорождения для двуязычной языковой личности приобретает качественное своеобразие. Такая языковая личность может ассоциировать с некоторым набором семантических признаков вербальные единицы разных языков. Р. Белл пишет о том, что «би-

лингв имеет, по крайней мере в принципе, две или более лексических единиц, например, для выражения “того же самого” значения <...>, или, напротив, в одном языке может отсутствовать лексическая единица для выражения некоторого конкретного значения, которое говорящий хочет передать» [1, с. 187]. Этот факт отмечает и Е. М. Верещагин, подчеркивая, что у двуязычных говорящих «при речи на одном языке возможна актуализация лексем другого языка» [5, с. 92].

С этой точки зрения диалоговые рефлексивы представляются маркерами языковой лояльности. Результатом «блуждания» вокруг денотата» [13, с. 25] становится единица другого языка, и метаязыковой комментарий свидетельствует о фиксации языковой личностью этого факта, об осознанной вербализации иноязычной единицы в пространстве речевого произведения. Очевидно, что стимулом к вербализации такого рода языковой рефлексии являются отнюдь не ненормативные речевые единицы. Кроме того, диалоговые рефлексивы имеют специальный формальный маркер – в их состав включаются лексемы *украинский, по-украински* или иные единицы, указывающие на нерусскость означивающего.

При этом важно подчеркнуть, что номинация иноязычной единицей в процессе порождения речи обуславливается типом речевой ситуации [2, с. 130; 1, с. 171; 8, с. 376]. Е. М. Верещагин пишет о зависимости «между речевой ситуацией и формой речи билингва в аспекте сочетания элементов двух языков» [5, с. 94]. Очевидно, положение дел в пространстве русского публицистического дискурса в Украине вполне благоприятствует выбору лексических единиц такого рода.

Русские публицистические тексты Украины выявляют следующие типы применения метаязыковых комментариев – диалоговых рефлексивов:

1. Рефлексивы, фиксирующие, что в процессе порождения речи для вербализации понятия избирается украинская единица: *Ни один врач не ставил диагноз «отравление» – так что, думаю, это, как говорят по-украински, – «переляк». Он, видимо, принял решение, пока здесь не нормализуется ситуация, полечиться за рубежом* (Ф 2007, № 23); *Их возмущение вызвала газовая труба протяженностью 7 километров, проложенная, как говорят по-украински, навпростець через кукурузное поле и ведущая к строящейся заправке* (М 2007, № 47); *Опять же, наша вечно сырая, рыхлая и противная, как грязь под ногами, политика! Для нее прогноз погоды один, железобетонный: дальше будет так же промозгло и противно. «Мэжичка», применяя уже украинское слово* (УЦ 2008, № 39).

Особый интерес в этом случае представляют такие контексты, как: *С 1994 года ставка акцизного сбора на спирт, применяемый при производстве «парфумів» (мы нарочно оставили украинское слово <...>), составляла 30% его стоимости* (Б 2001, № 29); *Редкие, весьма редкие «сполохи» (здесь сознательный украинизм) – и тех не достаёт на пять граф про «кращі досягнення»* (ЗН 2010, № 6). В них не только отражается метаязыковая реакция на означивание понятия при помощи украинской единицы, но и делается акцент на преднамеренности такого выбора.

Видимо, рефлексивы такого рода могут включать любую украинскую лексему, независимо ее лексико-семантических, стилистических или функциональных свойств, а также безотносительно к тому, имеет она русский эквивалент или нет.

2. Рефлексивы, фиксирующие выбор украинской единицы и включающие функциональные характеристики этой единицы. Например:

Пространственные: Из Львова наша семья выехала, как говорят здесь, «за перших радянських часів після злуки» (ФК 2001, 12.10); *Тю, сказал я себе, словно какой-то житель Восточной Украины* (ЗН 2002, № 38); *При таком количестве полномочий у большинства лишь одна проблема – абы не луснуть, как говорят в местах бытования суржика* (СХ 2006, № 11); *Подчеркнем, это не гастроли Ма-*

риинского театра в Нью-Йорке, а якобы совместная продукция. Но – «мени з тим», как говорят здешние украинцы (ЗН 2006, № 28);

Сферы употребления: *На сей раз коммунисты со товарищи использовали в качестве убойного лозунга слово из лексикона национал-демократов перестроечных времен – «Ганьба»* (ФК 2000, 9.02); *Какое бы событие в жизни страны не происходило, «цей перевертень» (как его называют многие СМИ) незамедлительно старается вставить и свои пять копеек* (ВП 2007, 7.12); *Другими словами, Украина и так никуда не денется, но она, как любят говорить украинские «элитчики» (они думают, что они – элита, ха-ха!) из нацдемагера, «не на часі», а значит, может, по мнению Киссинджеря, и подождать в предбаннике* (КТ 2008, № 28).

В этом случае языковая личность, производящая текст, свой выбор – украинскую единицу – камуфлирует ссылками на ту или иную группу говорящих. Здесь языковая личность «прячется» за чужую речь» [4, с. 154]. Однако очевидно, что в данном случае выявляется некоторый уровень лингвистической компетенции. Рефлексивы свидетельствуют о наличии «чувства украинского языка», способности ориентироваться в его функционально-стилистическом пространстве.

3. Рефлексивы-пояснения, фиксирующие выбор украинской единицы в ситуации повторного обозначения сигнификата: *Был там обустроен бассейн, или, как его называли, – «скриня»...* (ЗН 2003, № 28); *Есть в Крыму и другая улитка – горная, ее еще называют «слимак їстівний» («2000» 2003, № 52); Андрухович стоял у истоков современной украинской литературы, «сучукрліта», как ее называют* (К 2006, № 37); *Но это техническая погрешность. Или по-украински «недбалість» главного бухгалтера, которая попросту забыла поставить землю на внебалансовый учет* (ЗН 2007, № 11); *Так, что будьте здоровы, Василий Петрович, или как говорят в Украине – Здоровеньки були* (О 2007, № 23).

В этом случае, видимо, существуют как рациональные, так и эмоциональные причины, побуждающие языковую личность включить в контекст пояснение. В первом случае украинизм представляется привычным и поэтому естественным способом номинации (*скриня, сучукрліт*), во втором – создается экспрессивный ореол за счет обыгрывания внешней или внутренней формы (*недбалість, слимак їстівний*).

Рефлексивы-пояснения могут также содержать дополнительные сведения о пространственном маркировании лексемы, о принадлежности к лексикону той или иной личности и т. д.: *Мне хотелось выбросить никому не нужные в квартире вещи («лахи», как говорит моя бабуля), да не позволила мать* (ЗН 2004, № 20); *Мне нравится, что во Львове можно взять чашечку кофе («філіжанку кави», как говорят галичане) и на протяжении часа релаксировать над книгой или газетой...* (БЦ 2006, № 39); *Карпатские края изобилуют мини-гостиницами (как их здесь называют – «зелені садиби»), где вас всегда с улыбкой встретят...* (ГК 2007, 16.10).

4. Рефлексивы, фиксирующие несовпадение понятийных объемов в контактирующих языках. В этом случае в рефлексив включаются единицы *емкий, подходит, точный* или их сочетание. Например: *А еще мне тяжело смотреть и слушать, как на меня, на нашу службу выливают грязь... Тут даже больше подходит украинское слово «бруд» – оно более емкое* (ФК 2002, 26.10); *Они работают, пока политики «чубятся» – это украинское слово очень точно отражает характер противостояния между кандидатами* (ФК 2004, 29.10); *Есть такое понятие – надлежащее правление, по-украински звучит значительно точнее – «належне врядування», слышите? – «уряд», «врядування»...* (ЗН 2007, № 16-17); *Субординация и сдержанное уважение в Украине давно подменены – тут хорошо подойдет украинское слово – «плазуванням», желанием со слезами счастья распластаться у ног высшего за тебя* (УЦ 2007, № 51); *Это явление в чем-то подобно комплексу*

неполноценности; куда точнее его содержание передает украинское слово «менишвартість», которое сродни польскому «непелновартощовоць» (ЗН 2009, № 16); Но еще есть надежда – тут только украинское слово подойдет – «вылюднеет». И еще на зависть всем будет. Дожить бы до этого прекрасного времени (УЦ 2009, № 34).

Рефлексивы этой разновидности могут содержать прямое указание на невозможность выразить требуемый понятийный объем русской единицей: Для понятий «природа», «натура» в украинском имеется неперебиваемое на другие языки слово «вдача», которое, на мой взгляд, применимо к целым народам (КТ 2005, № 49); Это прекрасная сцена, по-моему, наоборот, страшно «цнотлива» – точное такое слово, которого нет в русском языке (БЦ 2007, № 17); Этот небольшой человек (более точное определение ему как-то дал депутат Шкиль – не очень переведимое на русский язык украинское слово «мириавий»), похоже, никогда не сможет простить Украине того, что он в 2004-м дважды поздравлял с победой на президентских выборах Виктора Януковича... (УЦ 2007, № 23).

5. Рефлексивы эмоциональной оценки, фиксирующие субъективность языковой личности или ее эстетические пристрастия при отборе вербальной единицы. В метакомментарий в этом случае включаются показатели красивый, прекрасный, хороший, чудесный. Например: Есть и третий вид: готовый написать и озвучить все что угодно – лишь бы за это платили. Но такие – хорошее украинское слово «заробітчани» – существовали всегда (Д 2000, 27.11); Люди должны знать, что за них (есть такое хорошее слово на Галичине) «впираються» (ЗН 2003, № 9); Честно говоря, применительно к этому случаю на ум приходит хорошее украинское слово «марнотратство» (КТ 2003, № 31); Но на самом деле все просто – это способность такая человеческая, умение чувствовать себя на месте другого, болеть его болью, переиматися – есть такое красивое украинское слово – его проблемами (ЗН 2003, № 50); Есть такое образное украинское слово «животіти» – то есть прозябать, влачить жалкое существование. А перед страной и перед новыми властями стоит новая, более амбициозная задача... (ЗН 2005, № 9); Поначалу я взял псевдоним Гай. Почему, даже не знаю – просто красивое украинское слово (ФК 2005, 20.10); Фи, господи. Есть такое красивое украинское слово несмак. Вот это он и есть. В хромящем переводе – дурновкусие (ЗН 2008, № 2); Испугаться – не испугался, но сердце, конечно, екнуло. За близких всегда очень переживаю. Есть такое хорошее украинское слово «забобоны» – предрассудки (С 2008, 17.09); Мне говорят, что я слишком часто употребляю слово «шляхетный», но ведь оно так идет Украине. Она такая благородная, не скулит (Д 2009, 27.02).

Метаязыковое высказывание может содержать указание на то, что включение украинской единицы обуславливается ее фонетическими свойствами: Искренность хотелось бы видеть в людях, порядочность, «людяність» – так звучит гораздо мягче. Русское слово «человечность» звучит не так мягко и не передает всей теплоты (СД 2007, № 10); Я ей ответил, что души великих людей, которые уходят, никуда не исчезают, мир окутывает их энергетическая нежность, именно она удерживает Землю от того, чтобы та не растворилась во тьме, «темряві» по-украински – так лучше звучит (Ф 2007, № 14).

Таким образом, культурно-языковое сосуществование обуславливает появление специфических разновидностей рефлексивов – намеренное, коммуникативно-обусловленное введение украинских конструкций в русский текст одновременно становится поводом для комментирования и оценивания. Эти явления не только иллюстрируют неповторимость русских публицистических текстов в Украине, но и представляются важными показателями своеобразия языковой личности – адресанта и адресата публицистического текста. Рефлексивы, будучи неэлементарными

единицами, свидетельствуют об особенностях и вербально-семантического, и лингво-когнитивного, и мотивационного уровней такой языковой личности. Дальнейшее выявление типов специфических рефлексивов и их описание представляется чрезвычайно важным для осознания ее своеобразия.

Библиографические ссылки

1. **Белл Р. Т.** Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы / Р. Т. Белл; пер. с англ. – М. : Международные отношения, 1980. – 318 с.
2. **Вайнрайх У.** Языковые контакты / У. Вайнрайх. – К.: Вища шк., 1979. – 263 с.
3. **Васильев А. Д.** Слово в российском телеэфире : Очерки новейшего словоупотребления / А. Д. Васильев. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 224 с.
4. **Вепрева И. Т.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
5. **Верещагин Е. М.** Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – 160 с.
6. **Караулов Ю. Н.** О русском языке зарубежья / Ю. Н. Караулов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 5–18.
7. **Кацнельсон С. Д.** Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.
8. **Крысин Л. П.** Кодовые переключения в речевом поведении говорящего / Л. П. Крысин // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 375–379.
9. **Крючкова О. Ю.** Рефлексивность диалектной речи / О. Ю. Крючкова // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум : сб. докладов и сообщений. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2008. – С. 214–223.
10. **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.
11. **Леонтьев А. А.** Основы психоллингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
12. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Яреца. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
13. **Ляпон М. В.** Оценочная ситуация и словесное само моделирование / М. В. Ляпон // Язык и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 24–34.
14. **Пфандль Х.** Металингвистические высказывания и культурная рефлексия у русскоязычных эмигрантов в Австрии / Х. Пфандль // Русскоязычный человек в иноязычном окружении / под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой. – Helsinki : Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2004. – С. 129–135.
15. **Хауген Э.** Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – Вып. VI. – Языковые контакты / сост. В. Ю. Розенцвейг. – М. : Прогресс, 1972. – С. 61–80.

Надійшла до редколегії 25.05.10